УДК 811.512.212, 81'34
UDC 811.512.212, 81'34

Морозова Ольга Николаевна, Андросова Светлана Викторовна,
Процукович Елена Александровна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Olga N. Morozova, Svetlana V. Androsova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
morozova_olga06@mail.ru, androsova_s@mail.ru, amursea@mail.ru

ПРОСОДИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЭВЕНКИЙСКОМ И ОРОЧОНСКОМ ЯЗЫКАХ: ОСНОВНОЙ ТОН*
THE PROSODY OF IMPERATIVE SENTENCES IN EVENKI AND OROCHON: PITCH

Аннотация
Побудительные предложения эвенкийского и орочонского языков можно без сомнений отнести к спорным вопросам грамматики и фонетики этих языков. Разногласия касаются классификационного признака «время», нейтрального и инвертированного порядка слов и просодического оформления указанных предложений. Это единственный тип эвенкийских предложений, которые начинаются с глагола. Среди 14 глагольных форм (глаголы повелительного наклонения изменяются по двум временам с варьирующими названиями, трём лицам и двум числам; некоторые имеют включительные и исключительные формы) глаголы с суффиксами 2 лица настоящего времени характеризуются наибольшей частотностью. В настоящей статье представлены результаты исследования особенностей движения основного тона в зависимости от количества слов, слогов и порядка слов в таких предложениях. Получены следующие результаты. В эвенкийском материале в двух- и трёхсловных синтагмах отмечалось восходяще-нисходящее движение основного тона, а в однословных – и простое нисходящее и восходяще-нисходящее. В четырёхсложных словах-синтагмах превалировала деклинация, а в двух- и трёхсложных оба типа тона реализовались в почти равном количестве. Конечные синтагмы императивных конструкций предполагали только деклинацию. Порядок слов определяющего влияния не оказывал. И в эвенкийском, и в орочонском материале каждый слог получал самостоятельное мелодическое оформление. Однако орочоны использовали только деклинацию, а эвенки – ещё и инклинацию и ровный тон при ступенчатом контуре. Наконец, междикторская вариантность у эвенков проявлялась больше, чем у орочонов, а внутридикторская вариантность – схожим образом.

Abstract
Imperative sentences in Evenki and Orochon are undoubtedly a challenging issue of their grammar and phonetics. The aspects, on which researchers' opinions diverge, include

* Исследование выполнено в рамках НИР по базовой части государственного задания 34.6414.2017/8.9.

grammar tense, neutral and inverted word order and prosodic arrangement of the sentences. It is the only type of sentences with the verb in sentences-initial position. Among 14 imperative verb forms (they change in 2 tenses with varying names, 3 persons and 2 numbers; some of them have inclusive and exclusive forms), 2nd-person forms in the Present Tense are characterized by the highest frequency of occurrence. This paper reports the results of an acoustic study of pitch movement in Evenki and Orochon imperative sentences depending on the number of words, syllables and the word order. The following results were obtained. In the Evenki material, two- and three-word syntagmas were characterized mostly by rise-fall pitch pattern while one-word syntagmas could have both rise-fall and fall patterns. Four-syllable-one word syntagmas' pattern was pitch declination while two- and three-syllable-one-word syntagmas could have both rise-fall and declination patterns with similar frequency of occurrence. Phrase-final syntagmas had only declination. Word order did not produce a considerable effect on the pitch slope. Both in Evenki and Orochon, each syllable had its own pitch pattern. However, while the Orochon used only declination, the Evenki besides declination exploited inclination and level tone as a part of step-like pitch contour. Finally, the Evenki material demonstrated greater inter-speaker variability than the Orochon one while inner-speaker variability turned out quite similar.

Ключевые слова: рамочная конструкция, движение основного тона, деклинация, инклинация, ступенчатый контур, варьирование в зависимости от длины предложения, междикторская и внутридикторская вариантность.

Keywords: frame sentences, pitch slope, declination, inclination, step-like pitch contour, sentence-length-dependent variability, inter-and-inner-speaker variability.

doi: 10.22250/2410 7190_2019_5_2_100_114

1. Введение

Побудительные предложения – единственный тип эвенкийских предложений, которые начинаются с глагола – во всех других типах глагол стоит на последнем месте [Василевич, 1958, с. 759] (препозиция возможна также в вопросах, особенно со сказуемым, выраженным вопросительным глаголом [Колесникова, 1966, 181]). Морфологические особенности повелительного наклонения в исследуемом языке подробно описала в 1940 году Г. М. Василевич [Василевич, 1940, с. 106–107] (аналогично в её более поздней работе [Василевич, 1958, с. 725–726]): имеются две формы данного наклонения – настоящего и будущего времени; вторая употребляется в главной части выражающего будущие действия сложноподчинённого предложения с придаточным времени (в придаточном – предыдущее, в главном – последующее будущие действия). Позже, в работе О. А. Константиновой и Е. П. Лебедевой [Константинова, Лебедева, 1953, с. 156–157], эти времена названы соответственно ближайшее будущее и отдалённое будущее; эта терминология и стала употребляться далее в ряде работ (см., напр., [Bulatova, Grenoble, 1999, p. 36]). Однако и такой терминологии придерживаются не все. В. Б. Болдырев даёт 2 формы без отнесения к какому-либо времени (судя по формулировкам – в рамках теории

модальности): первая выражает предложение совершить действие вообще, а вторая – действие после произведения другого или ряда других действий [Болдырев, 2000, с. 453–454]. В обоих временах повелительные глагольные формы спрягаются по всем трём лицам и в единственном, и во множественном числе, образуя 14 форм (учитывая включительные и исключительные формы для 1 л., мн. ч.). Морфологическими показателями побудительного характера эвенкийского предложения служат суффиксы, например, суффикс *-кал/-кэл/-кол*[1] (полный набор суффиксов данного наклонения см. [Василевич, 1940, с. 107 ; Василевич, 1958, с. 726 ; Константинова, Лебедева, 1953, с. 156–157 ; Болдырев, 2000, с. 453–454]) в своих трёх разновидностях в зависимости от гармонизирующей корневой гласной, который примыкает в качестве последнего элемента к глаголу. В связи с разновидностями суффикса, анализируя материалы Н. Н. Поппе, В. А. Горцевская [Горцевская, 1936, с. 10–11] отмечает, что это суффикс 2 лица, ед. ч., повелительного наклонения, 1 формы (настоящее время); во мн. ч. суффикс принимает форму -каллу/-кэллу/-коллу. Более полно эти и другие аспекты повелительного наклонения в эвенкийском языке представлены в одноимённой монографии М. М. Хасановой [Хасанова, 1986].

Исследования А. А. Бурыкина показали, что эвенкийские суффиксы императива *-кал / -кэл / -кол* и эвенский суффикс императива *-ли* < *-лак* ~ *-лэк* исторически состоят из двух компонентов, которые в разных языках имеют разный порядок следования [Бурыкин, 2000, с. 12–13].

Следует особо отметить вероятностные характеристики указанных суффиксов. Результаты исследований Н. Я. Булатовой и Л. Гренобль [Bulatova, Grenoble, 1999, p. 36] показывают, что именно суффиксы 2 лица обладают наибольшей частотностью.

Синтаксические особенности побудительных предложений (= императивных конструкций) рассматривались, в частности В. Д. Колесниковой, О. А. Константиновой, И. В. Недялковым и Е. Л. Рудницкой. Относительно некоторых аспектов здесь имеются разногласия. Так, по мнению В. Д. Колесниковой, нейтральным порядком слов в императивных конструкциях будет «глагол-сказуемое + дополнение» [Колесникова, 1966, с. 181], а с точки зрения Е. Л. Рудницкой, наоборот, «дополнение + глагол-сказуемое» [Рудницкая, 2018, с. 222]. Соответственно, разнятся и взгляды на инвертированный порядок слов, используемый при эмфазе.

Просодия побудительных предложений эвенкийского языка крайне редко попадала в центр внимания лингвистов. Можно отметить единственную работу Н. Я. Булатовой и Л. Гренобль, в которой рассматривалась интонация однословных побудительных предложений, специфика которой – резкое понижение кривой основного тона (далее – ОТ), не характерное ни для утвердительных, ни для вопросительных предложений [Bulatova, Grenoble, 1999, p. 5]. Более поздние пилотные акустические исследования предложений того же состава на материале селемджинского говора эвен-

[1] Г. М. Василевич отмечает этот же суффикс в негидальском языке, но только в одной форме – *-кал* [Василевич, 1958, с. 759].

кийского языка подтвердили факт понижения, однако крутизна падения уже на данном этапе исследования проявляла признаки варьирования (8–12 полутонов) [Морозова, Андросова, 2015 ; Карачева, Морозова, 2018]. Информации о том, как ведут себя просодические параметры эвенкийских побудительных предложений разной длины, в литературных источниках не представлено. Данное обстоятельство и явилось стимулом для настоящего исследования, целью которого было выявить особенности взаимодействия морфологии и синтаксиса разновидностей побудительных конструкций с интонацией, а именно – с ОТ.

2. Эксперимент

2.1. Материал и методика исследования

Экспериментальный материал был получен от 9 эвенков и 3 орочонов, бегло говорящих на своих этнических языках – представителей старшего поколения.

Эвенки: 3 мужчин (SGA-m – селемджинский говор; ANYa-m – тунгокоченский говор; VGP-m – иенгринский говор) и 6 женщин (NRP-f, YaSS-f, SGA-f – селемджинский говор; MSS-f, LFM-f – иенгринский говор; BDM-f – баргузинский говор; VAN-f – джелтулакский говор) в возрасте 54–80 лет.

Орочоны: 1 мужчина (MCh-m – говор Малого Хингана) и 2 женщины (BYi-f – говор Большого Хингана; HI-f – говор Алихэ) в возрасте 54–76 лет.

Эвенкийский корпус исследования составили:

1) рамочные конструкции, начитанные 1 мужчиной и 4 женщинами (селемджинский, джелтулакский, иенгринский, баргузинский и тунгокоченский говоры) – основной материал;

2) побудительные предложения из сказки, рассказанной 1 мужчиной и 2 женщинами (джелтулакский и иенгринский говоры) – дополнительный материал;

3) побудительные предложения, сегментированные из спонтанной речи 1 женщины (иенгринский говор) – дополнительный материал.

Для эвенкийского языка были получены 9 разновидностей императивных конструкций, выделенных по грамматическому принципу:

1) «глагол-сказуемое» (с суффиксами 2 л., ед. и мн. числа *-кэл /-кэллу*);

2) «глагол-сказуемое (с глагольными суффиксами 1 л., мн. ч. *-гат* и 2 л., ед. и мн. числа *-кэл /-кэллу*) + дополнение (объект)»;

3) «глагол-сказуемое (с глагольными суффиксами 2 л., ед. и мн. числа *-кэл /-кэллу*) + обстоятельство»;

4) «глагол-сказуемое (с глагольными суффиксами 2 л., ед. и мн. числа *-кэл /-кэллу*) + дополнение (объект) + обстоятельство»;

5) «обстоятельство + глагол-сказуемое» (с глагольным суффиксом 2 л., ед. числа *-кэл* и 1 л., мн. числа *-гат*);

6) «обстоятельство образа действия + глагол-сказуемое (с глагольным суффиксом 1 л., мн. числа *-гат*) + дополнение (объект)»;

7) «дополнение (объект) + обстоятельство образа действия + глагол-сказуемое» (с глагольным суффиксом 1 л., мн. числа *-гат*);

8) «обстоятельство образа действия + дополнение (объект) + глагол-сказуемое» (с глагольным суффиксом 1 л., мн. числа *-гат*);

9) побудительная частица *кэ*[2], оформляемая отдельной синтагмой и занимающая начальное положение во фразе.

Конструкции 1–4 отличаются количеством слогов в тоногруппе. Конструкции 5–7 представляют собой вариации с порядком слов, допустимые в эвенкийском языке. Всего было получено 239 реализаций побудительных предложений.

Для орочонского языка удалось получить только 3 разновидности побудительных предложений (конструкций):

1) «глагол-сказуемое» (с суффиксом 2 л., ед. числа);

2) «глагол-сказуемое (с глагольным суффиксом 2 л., ед. числа) + дополнение (объект)»;

3) «дополнение (объект) + глагол-сказуемое» (с глагольным суффиксом 2 л., ед. числа), при этом дополнение выражено назывным предложением[3].

К сожалению, балансировки материала достигнуть не удалось, особенно в орочонской части, по причине трудной доступности дикторов, ограниченного времени работы с ними, а также дискомфортных и для дикторов, и для экспериментатора условий записи[4].

2.2. Обсуждение результатов эвенкийской части эксперимента

Прежде всего, на нашем материале также, как у Н. Я. Булатовой и Л. Гренобль [Bulatova, Grenoble, 1999, p. 5], подтверждается самая высокая частотность глаголов повелительного наклонения в формах 2 л., ед. ч. – 93% (69 единиц из 74). Из них почти 70% (48 единиц) приходятся на формы ед. ч., а остальные 30,4% – множественного. Кроме них, встретились только формы 1 л., мн. ч. настоящего (ближайшего будущего) времени. Форм 3 л. данного времени и форм будущего (отдалённого будущего) времени не встретилось вообще.

Первая разновидность императивных конструкций – однословные синтагмы-фразы (двух-, трёхсложные) и четырёхсложные конечные однословные синтагмы (Конструкция 1) – были всегда реализованы с присутствием деклинациии (напр., *Юкэл*! 'Выйди!' на рис. 1), выраженной в той или иной степени. Крутизна деклинации значительно варьировала у 8 из 9 эвенков – от 4 до 17 полутонов; самые частотные значения реализовались

---

[2] По принятой в грамматике эвенкийского языка терминологии – фокусная или эмфатическая частица (списки этих частиц представлены в трудах Г. М. Василевич [Василевич, 1940, с. 149–150], О. А. Константиновой [Константинова, 1964, с. 253], И. В. Недялкова [Nedjalkov, 1997, p. 285–291]). По мнению Е. Л. Рудницкой, данная фокусная частица встречается именно в речи более пожилых рассказчиков в сёлах и чаще употребляется с именами [Рудницкая, 2016, с. 123–126].

[3] Изначально эта конструкция не предусматривалась программой эксперимента, на ней настоял один из носителей орочонского языка.

[4] Орочоны проживают на территории КНР; запись их речи ограничивается регламентом, установленным органами местного самоуправления, и осуществляется, в основном, в присутствии их официальных представителей.

в пределах 10–14 полутонов. Одна из дикторов была особенно эмоциональна, что проявилось не только в большой крутизне падения, но и в высоком его начале – 12–24 полутонов (см., напр., на рис. 8 *Эмэкэл!* 'Иди сюда!').

В двусложных словах-фразах были реализованы два типа движения ОТ: 1) простое нисходящее (рис. 1), 2) восходяще-нисходящее (рис. 4–5). В каждом из них встретились по две вариации. В первом типе могло быть а) падение внутри второго слога-суффикса (рис. 1); б) расположение второго слога на более низком уровне по сравнению с первым слогом при отсутствии значительных движений внутри второго слога – так называемые ступеньки (напр., *Авкал!* ˈУмойся!ˈ на рис. 2). Отметим, что первый слог в подавляющем большинстве случаев был выше второго и внутри него заметных перепадов не обнаружено. Исключение составила одна фраза – *Девкэл!* 'Кушай!', где была реализована инклинация (рис. 3) в речи женщины – носителя говора села Иенгра. Во втором типе – восходяще-нисходящем движении ОТ – могло быть: а) повышение ОТ внутри первого слога и понижение внутри второго, например, *Йкэл!* 'Заходи!' (см. рис. 4); б) относительно ровный тон первого слога, расположенного на более низком уровне по сравнению со вторым слогом, и понижение внутри второго слога – то же слово *Йкэл!* (рис. 5).

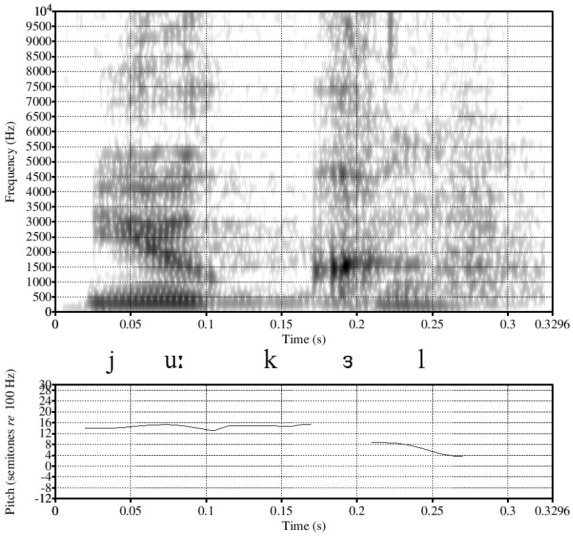


Рисунок 1. **Нисходящее движение тона в Ю̄кэл! 'Выйди!' (LFM-f)**

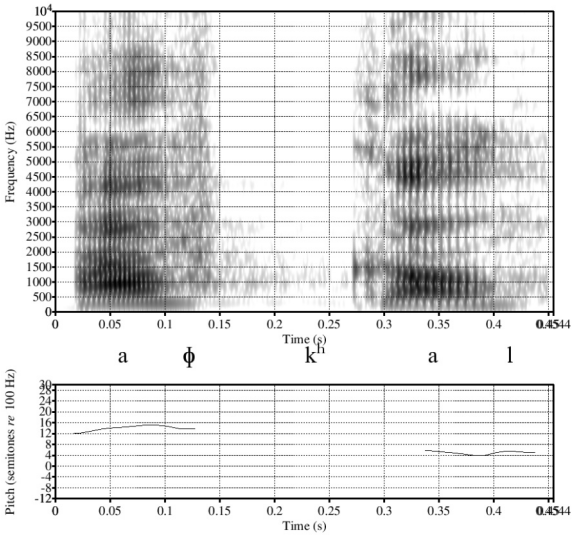


Рисунок 2. **Нисходящее движение тона («ступеньками») в *Авкал!* ˈУмойся!ˈ (BDM-f)**

В трёхсложных словах-фразах с одинаковой частотностью встречались простой нисходящий и восходяще-нисходящий интонационные контуры. Величина инклинации составила в среднем 5 полутонов (в диапазоне 2–8 полутонов), средняя величина деклинации – 11 полутонов (в диапазоне 4–24). Минимальная деклинация зафиксирована в речи двух мужчин-эвенков, а максимальная – в эмоциональной речи MSS-f. Именно у этой женщины, помимо указанного контура, мог быть реализован нисходящий с высоким нача-

лом (деклинация в 16 полутонов). Независимо от вариации контура, падение всегда приходилось на суффикс повелительного наклонения. На рисунке 6 приведён пример простой деклинации (деклинация у разных дикторов была реализована достаточно однообразно) – *Эмэкэл!* 'Иди сюда!'

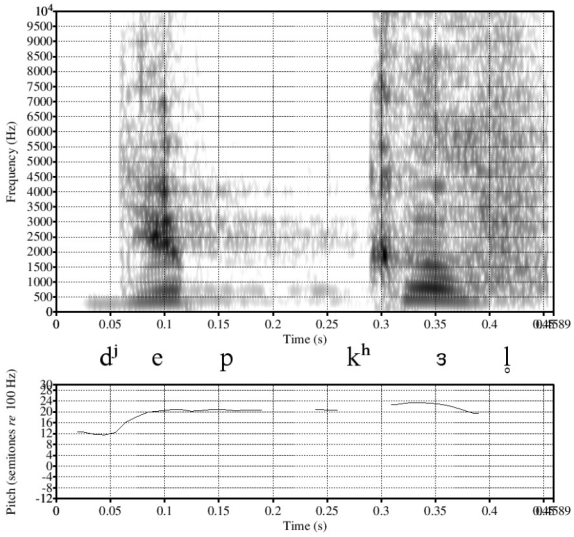


Рисунок 3. **Восходящее движение тона в *Девкэл!* 'Кушай!' (LFM-f)**

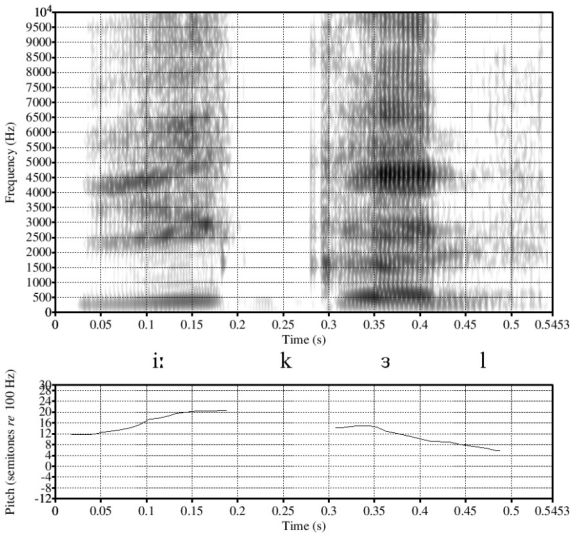


Рисунок 4. **Восходяще-нисходящее движение тона в *Йкэл!* 'Заходи!' (VAN-f)**

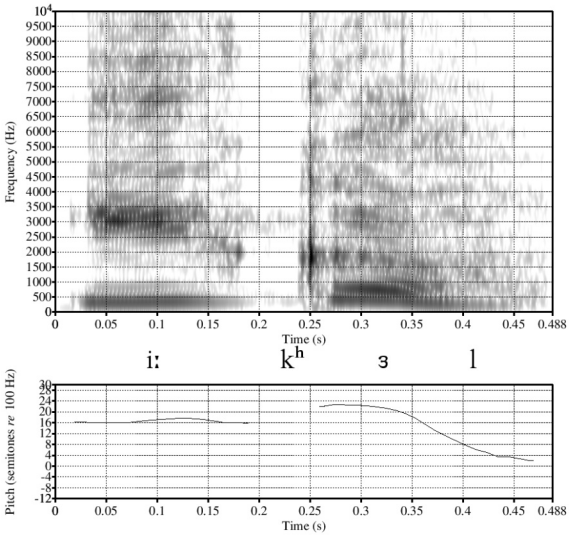


Рисунок 5. **Восходяще-нисходящее движение тона в *Йкэл!* 'Заходи!' (LFM-f)**

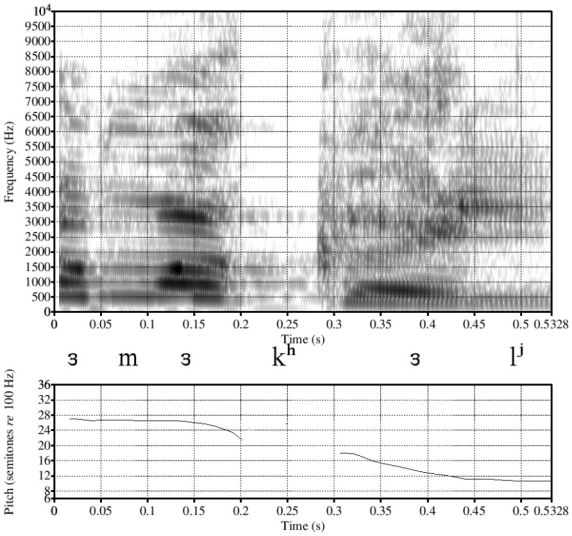


Рисунок 6. **Простая деклинация в *Эмэкэл!* 'Иди сюда!' (MSS-f)**

На рисунках 7–8 даны примеры восходяще-нисходящего тона, демонстрирующие две его вариации: *Сурукэл!* 'Уходи!' с ярко выраженной инклинацией на первых двух слогах с относительно низким началом и с

ярко выраженной деклинацией (рис. 7); *Эмэкэл!* 'Иди сюда!' (рис. 8) с заметно менее выраженной инклинацией с очень высоким началом и ещё более выраженной деклинацией (по сравнению с предыдущим случаем) как следствие высокой эмоциональностиа. Также отметим, что в каждом конкретном случае значение инклинации было меньше деклинации.

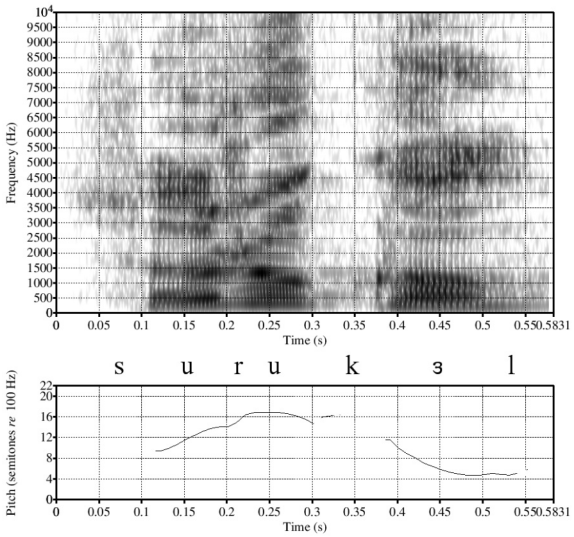


Рисунок 7. **Восходяще-нисходящий тон в *Сурукэл!* 'Уходи!' (BDM-f)**

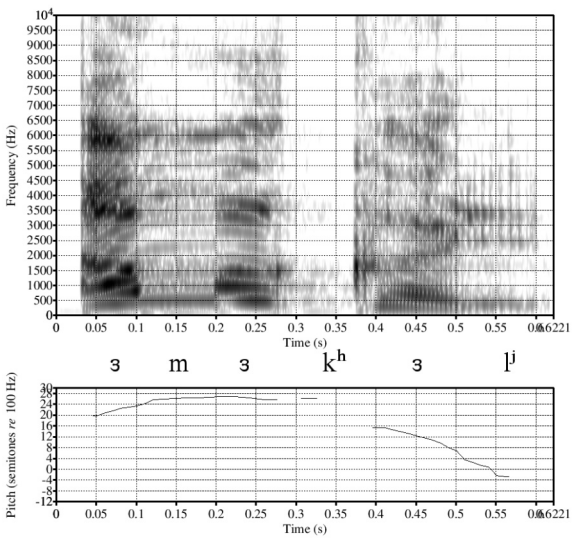


Рисунок 8. **Восходяще-нисходящий тон в *Эмэкэл!* 'Иди сюда!' (MSS-f)**

Завершим обзор однословных синтагм четырёхсложными словами (напр., <…>, *тапталикал!* '<…>, хлопни в ладоши!'). Такие синтагмы были только конечными в рамочных конструкциях и оформлялись только деклинацией. Первый слог всегда находился выше последующих. Зафиксировано две разновидности данного мелодического контура: а) деклинация с падением на практически каждом слоге (рис. 9) и б) более высокое положение первого слога, понижение уровня второго и реализация оставшихся двух слогов на этом уровне (рис. 10), при этом внутри слога заметного движения ОТ нет – так называемая деклинация ступенями.

Вторая разновидность – двусловные фразы и синтагмы (не менее трёх слогов в целом) с двумя вариациями – с глаголом в препозиции (Конструкции 2–3) и глаголом в постпозиции (Конструкция 5), а также трёхсловные фразы и синтагмы с тремя вариациями – с глаголом в препозиции (Конструкция 4), глаголом в середине (Конструкция 6) и глаголом в постпозиции (Конструкции 7–8). В конструкциях с глаголом в препозиции, независимо от количества слов, в абсолютном большинстве случаев наблюдалось восходяще-нисходящее движение ОТ (кроме одного примера у диктора-мужчины VGP-m, у которого была реализована деклинация). Примеров с глаголом в постпозиции было мало, но и в них, несмотря на другой порядок слов, движение ОТ было аналогичным, если это была односинтагменная фраза типа *Хэгды бэ̄ ō̄кэл* 'Большим человеком стань'. Однако если

это была конечная синтагма более крупной фразы, например, *Эмэкэл минтэкэ дюрӣ бӣнегат* 'Заходи ко мне, вдвоём будем жить' (рис. 11), то наблюдалась только деклинация. Трёхсловные конструкции с глаголом в середине (напр., *Ӈэнэксӣ дявагӣт гидалавӣ!* 'Пойдём, поймаем стрекозу!'), при сходном общем восходяще-нисходящем движении, несколько отличались от первых двух вариаций порядка слов: два слова были реализованы с инклинацией на каждом, а третье – с деклинацией, при этом первые два слова находились примерно на одном уровне (рис. 12).

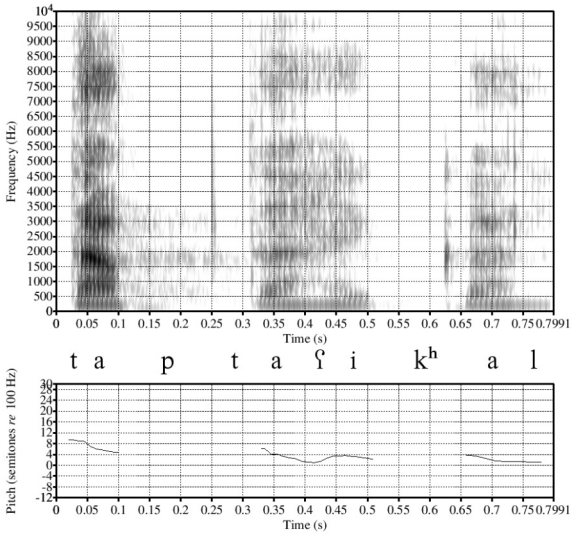


Рисунок 9. **Падение на каждом слоге в *таптахикал!* 'хлопни в ладоши!' (YaSS-f)**

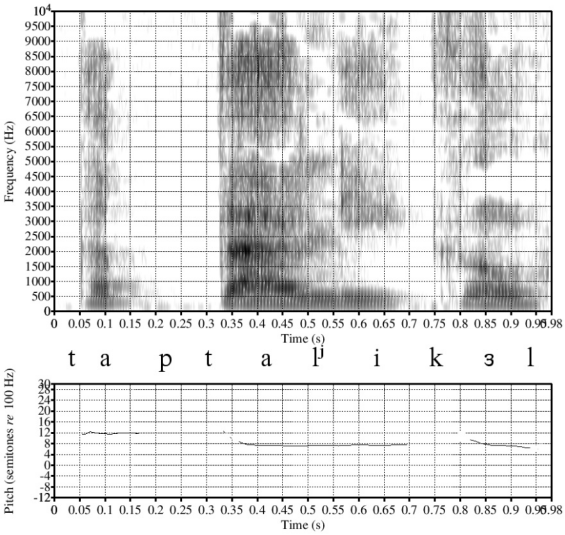


Рисунок 10. **Деклинация ступенями в *тапталикал!* 'хлопни в ладоши!' (NRP-f)**

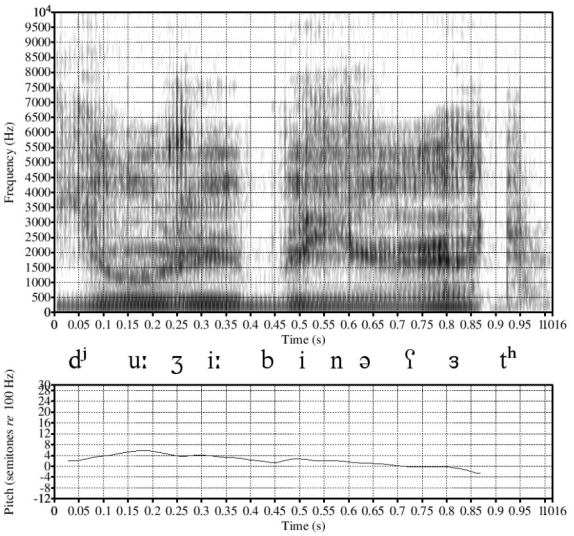


Рисунок 11. **Нисходящее движение в *дюрӣ бӣнегат* 'вдвоём будем жить' (VGP-m)**

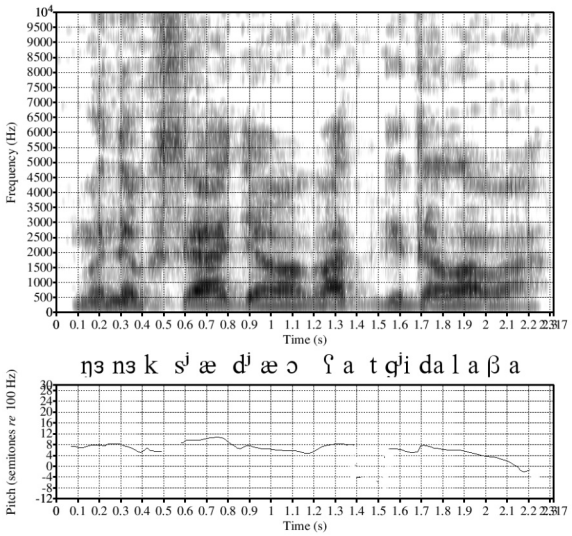
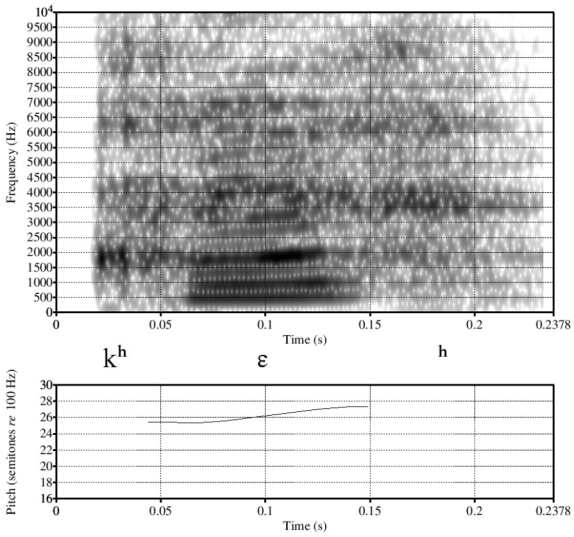


Рисунок 12. ***Ӈэнэксӣ дявагӣт гидалавӣ!* 'Пойдём, поймаем стрекозу!' (SGA-m)**

Иллюстрация последней конструкции 9 – побудительной частицы *Кэ!* 'Ну-ка! / Давай!', интонационно оформленной отдельной синтагмой (после неё имеется пауза) с инклинацией, – представлена на рисунке 13. Здесь никаких отклонений от данных по реализации мелодики, полученных ранее Л. М. Захаровым и О. А. Казакевич [Захаров, Казакевич, 2007], не отмечено.



Р и с у н о к 13. **Повышение тона при реализации повелительной частицы *Кэ!* 'Ну-ка! / Давай!' (MSS-f)**

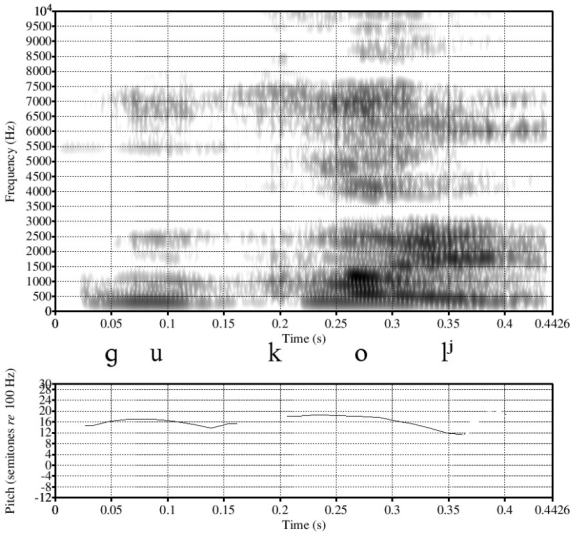
Следует особо подчеркнуть, что в подавляющем большинстве реализаций конструкций каждый слог получал самостоятельное мелодическое оформление либо деклинацией, либо ровным тоном (при ступенчатом контуре), либо инклинацией.

2.3. Обсуждение результатов орочонской части эксперимента

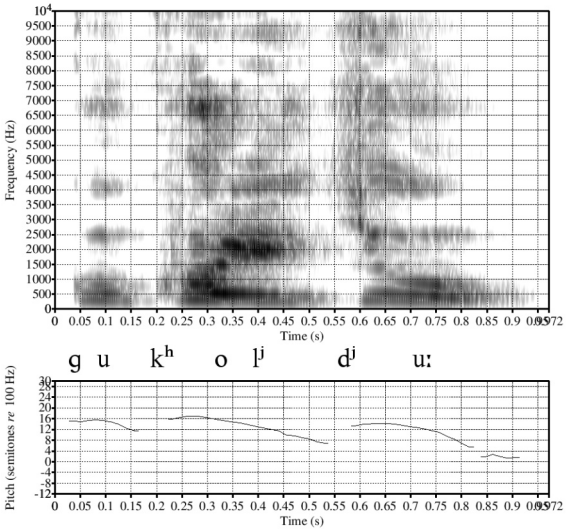
Перейдём к рассмотрению трёх конструкций у орочонов. При схожей общей с эвенками тенденции к обязательному наличию деклинации, отмечались отличия. Для конструкции 1 – *Гукэл!*[5] 'Скажи!' – первый слог всегда располагался ниже второго (суффикса 2 л., ед. ч), и на каждом из двух слогов была реализована самостоятельная деклинация, но на втором слоге она была заметно глубже (рис. 14). Для конструкции 2 – *Гукэл дю̄!* 'Скажи дом!' – все орочоны стабильно реализовали общую деклинацию с деклинацией на каждом слоге. Однако здесь была отмечена междикторская вариантность. У дикторов-женщин самым высоким слогом был второй, а у диктора-мужчины – первый (рис. 15–16).

[5] В отличие от эвенкийского языка на территории РФ, орочонский язык на территории Китая является бесписьменным. Для отражения его звучания в КНР приняты разные способы транскрибирования, в том числе знаки международного фонетического алфавита. В данной статье для тех же целей, а также чтобы провести чёткую аналогию с близкородственным эвенкийским, мы использовали упрощённую транскрипцию на кириллице.

При анализе первых двух конструкций становится совершенно очевидно, что, как и у амурских эвенков, у орочонов каждый слог получал самостоятельное мелодическое оформление, но в подавляющем большинстве случаев – деклинацию. Особенно ярко это выражено в двух- и трёхсложных конструкциях. Иногда первый слог в трёхсложных конструкциях был реализован ровным тоном. В отличие от амурских эвенков, орочоны редко задействовали ровный тон и никогда не использовали инклинацию на отдельном слоге.



Р и с у н о к 14. **Деклинация на каждом слоге в Гукэл! 'Скажи!' (BYi-f)**



Р и с у н о к 15. **Деклинация на каждом слоге в Гукэл дю̄! 'Скажи дом!' (BYi-f)**

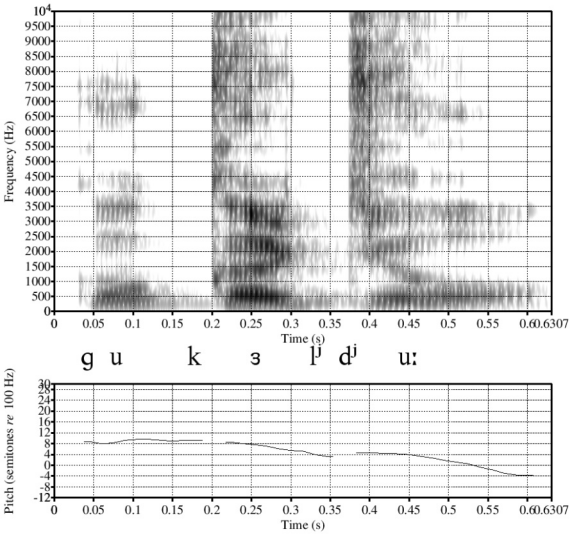
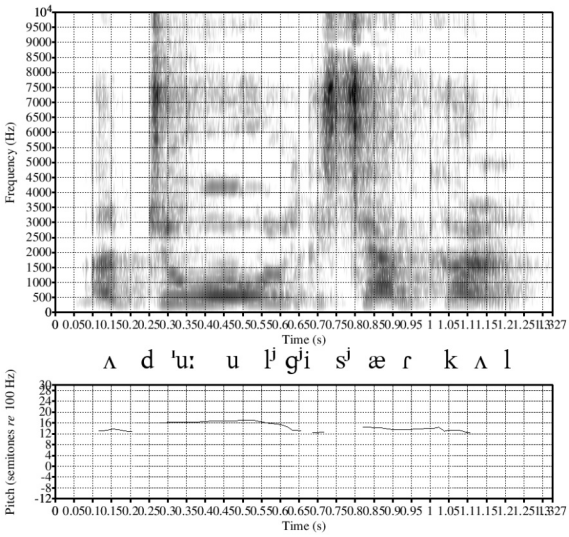


Рисунок 16. Нисходящий тон в Гукэл дю̄! 'Скажи дом!' (MCh-m)

Конструкция 3 – Эр дю̄, улгучанкал! 'Это дом – скажи!' – встретилась только у одной женщины, которая настойчиво ставила дополнение, выраженное назывным предложением, на первое место. Первый слог расположен на 3–4 полутона ниже остальных, которые реализованы с плавной деклинацией в небольшом диапазоне в 4–5 полутонов (рис. 17). В этой трёхсловной конструкции, состоящей из шести слогов, эффект самостоятельного мелодического оформления каждого слога тоже присутствует, но несколько сглажен.



Р и с у н о к 17. **Восходяще-нисходящее движение тона в *Эр дю̄, улгучанкал!* 'Это дом – скажи!' (HI-f)**

3. Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, на реализацию интонационного контура эвенкийских императивных конструкций оказывали влияние факторы количества слов в синтагме и количества слогов в однословной синтагме. Наличие двух и более слов в составе синтагмы определяло явный приоритет восходяще-нисходящего движения основного тона, в то время как при однословных конструкциях имели место и простой нисходящий тон (деклинация), и восходяще-нисходящее движение (инклинация + деклинация). Фактор количества слогов проявлял себя в том, что в четырёхсложных словах-синтагмах превалировала деклинация, а в двух- и трёхсложных оба типа тона реализовались в почти равном количестве. Однако очень вероятно, что более важную роль здесь играл порядок следования синтагм во фразе: конечные синтагмы императивных конструкций (в нашем материале – четырёхсложные однословные) предполагали только деклинацию. Наконец, некоторую роль играл порядок слов в трёхсловных конструкциях: расположение глагола-сказуемого в середине обусловливало самостоятельные инклинации на первых двух слогах и деклинацию на последнем. В целом, в подавляющем большинстве случаев каждый слог получал самостоятельное мелодическое оформление.

Во-вторых отмечалась заметная междикторская вариантность по уровню и диапазону изменения основного тона и в некоторых случаях – по предпочтению того или иного мелодического контура. Внутридикторская вариантность проявлялась прежде всего в характере контура (деклинация, восходяще-нисходящий или ровный тон) и особенно в реализации ступенями или в мелодическом движении вниз или вверх на каждом слоге, но не в крутизне деклинации или инклинации и не в диапазоне.

В-третьих, наблюдались общие и отличные тенденции в реализации эвенкийских и орочонских императивных конструкций. Самой яркой общей чертой было то, что каждый слог получал самостоятельное мелодическое оформление. Однако отличие состояло в том, что, на нашем материале, орочоны никогда не прибегали к инклинации. Общий мелодический контур эвенкийских конструкций был более разнообразным по сравнению с орочонскими, в которых присутствовала только деклинация. Что касается междикторской и внутридикторской вариантности, то она у орочонов, на нашем материале, проявлялась в меньшей степени, чем у эвенков.

Учитывая несоразмерность эвенкийского и орочонского материала и количества дикторов, сделать окончательные сравнительно-сопоставительные выводы не представляется возможным. Балансировка материала составит перспективу настоящего исследования, однако, как уже было сказано, сбор орочонского материала будет весьма непростой задачей.

Список литературы

1. Болдырев, Б. В. Эвенкийско-русский словарь [Текст] / Б. В. Болдырев. – Новосибирск : Изд-во СЛ РАН, филиал «Гео», 2000. Ч. 2 : Р–Я. – 484 с.
2. Бурыкин, А. А. О месте тунгусо-маньчжурских языков в алтаистических исследованиях [Текст] / А. А. Бурыкин // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Доклады и тезисы международной конференции. – М., 2000. – С. 2–16.
3. Василевич, Г. М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка [Текст] / Г. М. Василевич. – Л. : Госучпедгиз, 1940. – 196 с.
4. Василевич, Г. М. Эвенкийско-русский словарь [Текст] / Г. М. Василевич. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 802 с.
5. Горцевская, В. А. Характеристика говоров баргузинсих эвенков. По материалам Н. Н. Поппе [Текст] / В. А. Горцевская. – М.-Л. : Учпедгиз, 1936. – 104 с.
6. Захаров, Л. М. Интонация диалога (на материале аудиозаписей кетской, селькупской, и эвенкийской речи) [Электронный ресурс] : доклад / Л. М. Захаров, О. А. Казакевич // Международная конференция по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2007». – URL : http://www.philol.msu.ru/~otipl/SpeechGroup/publications/zakharov-2007/zakharovl.pdf (дата обращения : 18.12.2018).
7. Карачева, О. Б. Интонация утвердительного предложения в русском и эвенкийском языках / О. Б. Карачева, О. Н. Морозова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2018. – Вып. 4. – № 3. – С. 39–58.

8. Колесникова, В. Д. Синтаксис эвенкийского языка [Текст] / В. Д. Колесникова. – М. – Л. : Наука, 1966. – 246 с.
9. Константинова, О. А. Эвенкийский язык [Текст] : учеб. пособие [Текст] / О. А. Константинова, Е. П. Лебедева. – М.-Л. : Госучпедгиз, 1953. – 332 с.
10. Константинова, О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология [Текст] / О. А. Константинова. – М.-Л. : Наука, 1964. – 274 с.
11. Морозова, О. Н. Интонационные модели эвенкийского языка [Текст] / О. Н. Морозова, С. В. Андросова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – Вып. 1. – № 2. – С. 55–70.
12. Рудницкая, Е. Л. Особенности употребления грамматических средств в эвенкийском языке в устных рассказах 2005–2011 гг. на примере фокусных единиц [Текст] / Е. Л. Рудницкая // Родной язык. – 2016. – № 2 (5). – С. 113–142.
13. Рудницкая, Е. Л. Порядок слов (глагол и прямой объект) в устных рассказах на эвенкийском языке [Текст] / Е. Л. Рудницкая // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 1. – С. 219–234.
14. Хасанова, М. М. Повелительное наклонение в эвенкийском языке [Текст] / М. М. Хасанова ; Акад. наук СССР, Дальневосточ. науч. центр, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1986. – 104 с.
15. Bulatova, N. Evenki [Text] / N. Bulatova, L. Grenoble // Languages of the World: Materials 141. – Lincom Europa, 1999. – 64 p.
16. Nedjalkov, I. Evenki. (Routledge Descriptive Grammars) [Text] I. Nedjalkov. – London / New York : Routledge, 1997.

References

1. Boldyrev, B. V. (2000). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian dictionary]. Part 2 : R–Ya. Novosibirsk : SL RAN, «Geo» Press.
2. Burykin, A. A. (2000). O meste tunguso-man'chzhurskikh yazykov v altaisticheskikh issledovaniyakh [The place of Tungus-Manchu languages in Altaic studies]. *Problemy izucheniya dal'nego rodstva yazykov na rubezhe tret'ego tysyacheletiya* [Problems of studying remote language affinity of the 3d millenium]. Reports and authors' abstracts of the International Conference (pp. 2–16). Moscow .
3. Vasilevich, G. M. (1940). *Ocherk grammatiki evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [The outline of the Evenki (Tungus) Grammar]. Leningrad : Uchpedgiz Press.
4. Vasilevich, G. M. (1958). *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian Dictionary]. Moscow : Foreign and National Dictionaries Press.
5. Gortsevskaya, V. A. (1936). *Kharakteristika govora barguzinskikh evenkov. Po materialam N. N. Poppe* [The outline of Barguzin Evenks accent. Based on N. N. Poppe materials]. Moscow ; Leningrad : Uchpedgiz Press.
6. Zakharov, L. M., Kazakevich, O. A. Intonatsiya dialoga (na materiale audiozapisey ketskoy, sel'kupskoy, i evenkiyskoy rechi) [Intonation of dialog (On the material of audiorecordings of Ket, Selkup and Evenki speech)]. *Proc. of the International Conference in Computational Linguistics and IT "Dialog – 2007"*. Retrieved December 18, 2018 from <http://www.philol.msu.ru/~otipl/SpeechGroup/publications/zakharov-2007/zakharovl.pdf>.

7. Karacheva, O. B., Morozova, O. N. (2018). Intonatsiya utverditel'nogo predlozheniya v russkom i evenkiyskom yazykakh [Intonation of statements in Russian and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (3), 39–58.
8. Kolesnikova, V. D. (1966). *Sintaksis evenkiyskogo yazyka* [Evenki syntax]. Moscow ; Leningrad : Nauka Press.
9. Konstantinova, O. A., Lebedeva, E. P. (1953). *Evenkiyskiy yazyk* [The Evenki Language] : A coursebook. Moscow – Leningrad : Gosuchpedgiz Press.
10. Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki Language. Phonetics. Morphology]. Moscow – Leningrad : Nauka Press.
11. Morozova, O. N., Androsova, S. V. (2015). Intonatsionnye modeli evenkiyskogo yazyka [Models of intonation in the Evenki language]. *Teoreticheskaya I prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (2), 55–70.
12. Rudnitskaya, E. L. (2016). Osobennosti upotrebleniya grammaticheskikh sredstv v evenkiyskom yazyke v ustnykh rasskazakh 2005–2011 gg. na primere fokusnykh edinits [Distinctive features of the use of Evenki grammatical devices, particularly focus particles]. *Rodnoy Yazyk* [Mother Tongue], 2 (5), 113–142.
13. Rudnitskaya, E. L. (2018). Poryadok slov (glagol i pryamoy obyekt) v ustnykh rasskazakh na evenkiyskov yazyke [Word order (verb and direct object) in oral stories in Evenki]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 1, 219–234.
14. Khasanova, M. M. (1986). *Povelitel'noe naklonenie v evenkiyskom yazyke* [The imperative mood in Evenki]. Leningrad : Nauka Press.
15. Bulatova, N. Grenoble, L. (1999). Evenki. *Languages of the World: Materials 141*. Lincom Europa.
16. Nedjalkov, I. (1997). *Evenki*. (Routledge Descriptive Grammars). London / New York : Routledge.